

27.05.99

Солженицын А.И.

НАШ СОЛЖЕНИЦЫН

Пять лет назад великий писатель-изгнанник вернулся

«В любой рыбе он ел все - хоть жабры, хоть хвост, и глаза ел, когда они на месте попадались...»

А. Солженицын. «Один день Ивана Денисовича».

Система, где заключенные ели все что попадается, включая глаза какой-нибудь жалкой тюльки, пожирала людей и с особенным удовольствием их глаза - чтобы они не видели, не запоминали.

Любая пропаганда - это проглатывание глаз. Но были и те, кто видел, запоминал. Свою отсидку бывший командир батареи Александр Солженицын воспринимал как миссию запоминания.

Увы, малоприятная правда заключена в словах Бертольта Брехта: «Несчастлива страна, которая нуждается в героях».

Но еще более несчастна страна, которая нуждается в героях, а их нет.

Слава Богу, такого несчастья Россия избежала.

Один из этих героев - Солженицын.

В какой степени Иван Денисович - это сам Солженицын?

В большой. Но Солженицын в отличие от Ивана Денисовича, как утверждают его солагерники, прятал в матрасе словарь Даля и делал из него выписки, прибавляя к ним лагерный жаргон.

Противоречие заключается в том, что Солженицын при всей его саркастической неприязни к либеральной интеллигенции, например, в «Круте первом», тем не менее сам интеллигент.

Как бы Солженицын ни ненавидел советскую власть, интеллигент он все-таки не дореволюционный. Его суждения об искусстве весьма консервативны, и наверняка абстрактная живопись ему не менее, чем Хрущеву.

В истории с получением Нобелевской премии был один маленький забавный эпизод, рассказанный мне моими шведскими друзьями. Не ручаясь за детали, но могу представить, что именно так могло случиться. Когда Солженицына «выдворили» с Родины и он наконец приехал получать Нобелевскую премию в Стокгольме, то он, естественно, был приглашен своим шведским издателем домой. Кроме детей и жены, в доме Пера Гедина было лишь несколько ближайших друзей и соседей. Но уже на пороге Солженицын резко сказал:

- Нет, нет, пожалуйста, никаких гостей и родственников. Жизнь так коротка... Давайте говорить по делу... Где ваш кабинет?

Растерянный Пер Гедин пробовал ему что-то объяснить, но нобелевский лауреат неумолимо повторил:

- Где ваш кабинет?

Во время разговора «по делу» Солженицын вдруг снял верхний лист со стола бумаги рядом с пишущей машинкой, попробовал на ощупь и даже растянул.

- Я узнал эту бумагу. Вы на ней мне пишете письма. Какая плотная, нервущаяся. Такой я не видел ни в Германии, ни в Швейцарии. Не могли бы вы мне достать несколько килограмм?

Пер Гедин послал ему эти «несколько килограмм» в подарок, а заодно и вежливое уведомление, что он больше не имеет чести быть издателем Солженицына на шведском языке.

В этом эпизоде в Солженицыне снова проявился Иван Денисович, не очень интересующийся разговорами об Эйзенштейне или вообще об искусстве, человеке.

век, не желающий тратить время на «пустяки». А вот несколько килограмм бумаги - это конкретно, как ножовка в лагерьном снегу, это может всегда пригодиться.

Солженицын, видимо, думает, что правильная вежливости и простая человеческая теплота во взаимоотношениях - это так мелко и несущественно по сравнению с задачей спасения России. Да, он такой - монах и витязь - и, может быть, если бы не умел отказываться от «пустяков», не сумел бы осуществить нечеловеческий подвиг - создание памятника Архипелагу ГУЛАГ. Такое самоограничение, наверное, и помогло ему стать великим негибимым борцом.

Но сделавшись только борцом, он стал слишком жестким, слишком целенаправленным и потерял чарующую те-

плоту непродуманного лиризма, необходимую для прозы не меньше, чем поэзии.

Потеря собственной теплоты ведет к потере контакта с людьми, ждущими теплоты, а не просто рецептов к самосеению. В этом трагедия самоназначенности.

Его почти никто не слушает в стране, где он - самый почитаемый писатель - Алексей Маринин. Солженицын в Думе, пытаясь пробыть боль за Россию и выводящих и перешептывающихся о их делишках депутатах, - какая трагическая картина...

Солженицын по характеру борца бойцу нужен противник. Его привычкой было государство. Но

М-да, это не Матренин двор!

«Матренин двор»: 42 ГОДА СПУСТЯ

«Комсомолка» попыталась разыскать могилу героини знаменитого рассказа

Александр Солженицын приехал на Владимирщину сразу после сталинских лагерей летом 1956 года и был назначен учителем математики в среднюю школу деревни Мезиновка (в рассказе - Торфопродукт). А на жительство школьный завхоз определил его в соседнее Мильцево (в рассказе - Тальново) к Матрене Захаровой.

Своего постояльца она называла «Исаич». Он пробыл здесь недолго - всего один учебный год. Еще при нем Матрена Васильевна Захарова погибла, по неосторожности попав под товарняк. Солженицын переехал на жительство к другой хозяйке. А Матренин двор ее родственники разобрали по бревнышку и перевезли в другую деревню.

«Матренин двор» появился в «Новом мире» в 1963 году, спустя два месяца после повести «Один день Ивана Денисовича». Как сказал тогда сам Солженицын, «Иван Денисович» - это тема, а «Матренин двор» - чистая литература.

Пять лет назад, вернувшись из-за границы, писатель приехал во Владимирскую область akurat к 1 сентября - началу учебного года. И, конечно, поехал в свою бывшую школу, где когда-то преподавал математику. Знание, правда, не сохранилось, в Мезиновке выстроили новое. И говорил он с выпускным классом не о математике, а о жизни.

Ну, а в Мильцево Солженицын ожидал сюрприз: стараниями председателя товари-

щества «Перовское» Москалева туда перевезли из другой деревни дом, как две капли воды похожий на Матренин. «Похож, похож», - закивал головой Солженицын, трогая кольцо под люльку под потолком. Среди встречавших было полно старожилов, отлично помнивших Исаича. «Как бы жилось сегодня Матрене в Мильцево?» - спросил кто-то писателя. Помрачнев, тот ответил: «Не легче».

...Редактор местного издательства Николай Лапкин сказал: «Солженицын - это святое. Езжай в Гусь-Хрустальный, там тебя ждут Дима на «девятке». И мы поехали с Димой по солженицынским местам. Слава Богу, в Гусь-Хрустальном районе не появился колхоз имени Солженицына, артель или школа. Есть, правда, в Мезиновской школе нечто вроде маленького музея. Впрочем, это и музеем трудно назвать: несколько фотографий в кабинете русского языка - и все.

- В Мезиновке один местный писатель живет, - сказал Дима, когда мы повернули обратно. И добавил с явным неодобрением: -

Правда, он сейчас книжки редко пишет, весь в бизнес ушел - крыши кроет. А так вроде ничего у него книжки.

- Он в них лучше, чем в жизни, или соответствует?

- В жизни он вульгарнее, - подумав, ответил Дима. - Матерится. Я ему не один раз говорил: писатель, ты знай, где можно материться, а где нет. Не понимает. А еще у меня своя книжки пишет. Почему-то всегда с бодуна.

- Наверное, грустные книжки получаются?

- Нет, веселые, про тещу.

Наша литературная беседа прервалась, когда впереди показалась кладбище, где похоронена Матрена Захарова. «Не найдете могилку, - сказали мне перед командировкой. - Пять лет назад, когда там был Солженицын, ее привели в божестький вид, а теперь она опять травой поросла. Ухаживать-то за ней некому».

Бродили мы с другом писателей Димой по кладбищу чуть ли не час, но могилку действительно так и не нашли. Кладбищенский человек Саша бегал среди оградок стрелой в надежде заработать на бутылку, но тоже не нашел Матренин. Пробовал спрашивать у людей, которых в этот воскресный день было на кладбище немало. Никто о Матрене и слыхом не слыхивал...

Зато найти в Мильцево как бы Матренин двор оказалось куда проще. «Прямо по дороге и увидите его, весь разорен», - махнул топором мужик в спецовке.

- А вы ходили на встречу с Солженицыным, когда он сюда приезжал пять лет назад?

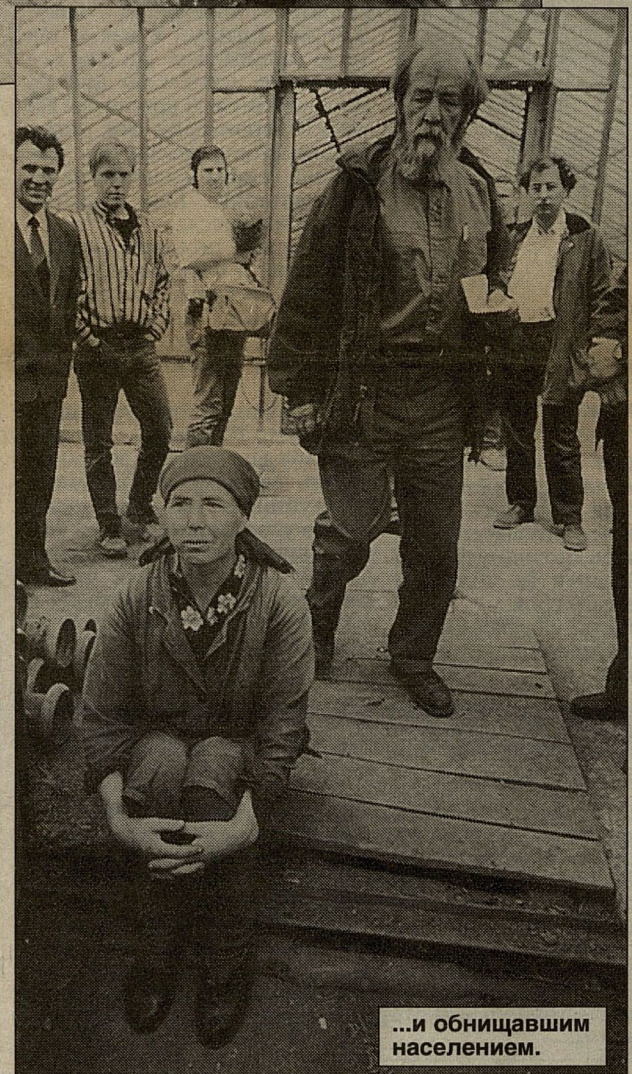
- Нет, я картошку копал. А мать моя ходила.

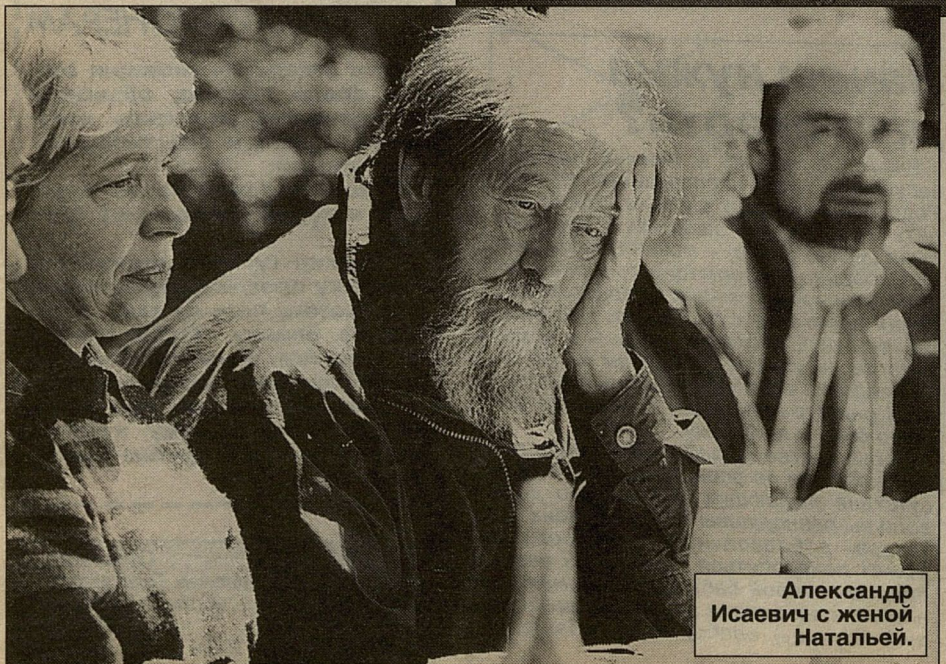
Матрена Захарова.

Родина встретила писателя хлебом-солью...

...и обнищавшим населением.

Александр Исаевич с женой Натальей.

Татьяна ФИЛИППОВА.
(Наш соб. корр.).
Владимирская область.

Фото Рудольфа НОВИКОВА.

НАШ СОЛЖЕНИЦЫН

Пять лет назад великий писатель-изгнанник вернулся в Россию

...бой рыбе он ел все -
жабры, хвост,
а ел, когда они на мес-
падались...»

А. Солженицын. «Один день
Ивана Денисовича».

ма, где заключенные ели все что
тось, включая глаза какой-нибудь
тюльки, пожирала людей и с осо-
удовольствием их глаза - чтобы
видели, не запоминать.

и пропаганда - это проглатывание

ли и те, кто видел, запоминал.
сидку бывший командир батареи
др Солженицын воспринимал
сию запоминания.

малопривлекательная правда заключена
х Бертольта Брехта: «Несчастна
страна, которая нуждается в геро-
ях».

Но еще более несчастна страна,
которая нуждается в героях, а их
нет.

Слава Богу, такого несчастья
Россия избежала.
Один из этих героев - Солжени-
цын.

В какой степени Иван Денисо-
вич - это сам Солженицын?

В большой. Но Солженицын в
отличие от Ивана Денисовича,
как утверждают его солагерники,
прятал в матрасе словарь Даля и
делал из него выписки, прибавляя
к ним лагерный жаргон.

Противоречие заключается в
том, что Солженицын при всей
его саркастической неприязни к
либеральной интеллигенции, на-
пример, в «Круте первом», тем не
менее сам интеллигент.

«Матренин двор»: 42 ГОДА СПУСТЯ

«Комсомолка» попыталась разыскать могилу героини знаменитого рассказа

Александр Солженицын прие-
хал на Владимирщину сразу после
сталинских лагерей летом
1956 года и был назначен учите-
лем математики в среднюю шко-
лу деревни Мезиновка (в расска-
зе - Торфопродукт). А на житель-
ство школьный завхоз опреде-
лил его в соседнее Мильцево (в
Тальново) к Матрене Захаровой.
Тотальца она называла «Исаич».
ыл здесь недолго - всего один
д. Еще при нем Матрена Василь-
ева погибла, по неосторожности
товарняк. Солженицын пере-
жил в Мезиновке разорение
двора ее родственники разобрали
шху и перевезли в другую де-
рзю. «Матренин двор» появился в «Новом ми-
ре» в 1958 году, спустя два месяца после
Один день Ивана Денисовича».
В 1963 году сам Солженицын, «Иван
Денисович» - это тема, а «Матренин двор»
литература.

назад, вернувшись из-за границы,
приехал во Владимирскую область
сентября - началу учебного года.
поехал в свою бывшую школу, где
реподавал математику. Знание,
сохранилось, в Мезиновке быстро
говорил он с выпускным классом
тике, а о жизни.

Мильцево Солженицын ожидал
тараниями председателя товари-

Как бы Солженицын ни ненавидел со-
ветскую власть, интеллигент он все-таки
не дореволюционный. Его суждения об
искусстве весьма консервативны, и на-
верняка абстрактная живопись ему че-
нее, чем Хрущеву.

В истории с получением Нобелевской
премии был один маленький забавный
эпизод, рассказанный мне моими швед-
скими друзьями. Не ручаюсь за детали,
но могу представить, что именно так мо-
ло случиться. Когда Солженицына «вы-
дворили» с Родины и он наконец приехал
получать Нобелевскую премию в Сток-
гольме, то он, естественно, был пригла-
шен своим шведским издателем домой.
Кроме детей и жены, в доме Пера Гедина
было лишь несколько ближайших друзей
и соседей. Но уже на пороге Солженицын
резко сказал:

- Нет, нет, пожалуйста, никаких гостей
и родственников. Жизнь так коротка...
Давайте говорить по делу... Где ваш каби-
нет?

Растерянный Пер Гедин пробовал ему
что-то объяснить, но нобелевский лауре-
ат неумолимо повторил:

- Где ваш кабинет?

Во время разговора «по делу» Солжени-
цын вдруг снял верхний лист со сто-
ла бумаги рядом с пишущей машинкой, по-
пробовал на ощупь и даже растянул:

- Я узнал эту бумагу. Вы на ней мне пи-
шете письма. Какая плотная, нервущая-
ся. Такой я не видел ни в Германии, ни в
Швейцарии. Не могли бы вы мне достать
несколько килограмм?

Пер Гедин послал ему эти «несколько
килограмм» в подарок, а заодно и вежли-
вое уведомление, что он больше не имеет
честь быть издателем Солженицына на
шведском языке.

В этом эпизоде в Солженицыне снова
проявился Иван Денисович, не очень ин-
тересующийся разговорами об Эйзен-
штейне или вообще об искусстве, цело-

век, не желающий тратить время на «пус-
тяки». А вот несколько килограмм бумаги
- это конкретно, как ножовка в лагерьном
снегу, это может всегда пригодиться.

Солженицын, видимо, думает, что пра-
вильно вежливости и простая человеческая
теплота во взаимоотношениях - это так
мелко и несущественно по сравнению с
задачей спасения России. Да, он такой -
монах и витязь - и, может быть, если бы
не умел отказываться от «пустяков», не
сумел бы осуществить нечеловеческий
подвиг - создание памятника Архипелагу
ГУЛАГ. Такое самоограничение, навер-
но, и помогло ему стать великим неспоби-
мым борцом.

Но сделавшись только борцом, он
стал слишком жестким, слишком целе-
направленным и потерял чарующую те-

плоту непродуманного лиризма, необ-
ходимую для прозы не меньше, чем для
поэзии.

Потеря собственной теплоты ведет к
потере контакта с людьми, ждущими этой
теплоты, а не просто рецептов к самоспа-
сению. В этом трагедия самоназначенных
мессий.

Его почти никто не слушает в стране,
где он - самый почитаемый писатель, а
самый читаемый писатель - Александра
Маринина. Солженицын в Думе, пытаю-
щийся пробудить боль за Россию в поэ-
вывающих и перешептывающихся о сво-
их делишках депутатах, - какая трагиче-
ская картина...

Солженицын по характеру борец, а
бойцу нужен противник. Его привычным
противником было государство. Но сей-

час на поле боя перед ним уже не только
государство, а общество.

Итак, Солженицын с потерями, но вы-
шел победителем в поединке с тоталитар-
ным государством. То одряхлевшее госу-
дарство оказалось явно слабее характе-
ром по сравнению с солженицынским.

Солженицын смог победить это госу-
дарство, ибо он был хитроумным мсти-
тельным его порождением, исчадием ла-
герьей, в котором спрессовались все ла-
герные призраки, воплощенным возмез-
дием, явившимся из глубины вечной
мерзлоты в терновом венце из колючей
провокации.

Но государство, пришедшее на смену
тому, хорошо известному зверю, оказа-
лось тоже зверем, только незнакомым и
особо опасным от этой незнакомости.

Солженицын думал, что нет ничего
страшнее коммунизма, но когда увидел
мафиозный отечественный капитализм,
то невольно пожелал.

Солженицын выдержал испытание не-
навистью властью предержащих. Но когда
вернулся в Россию, он оказался не подго-
товленным к испытанию почтительным
равнодушием.

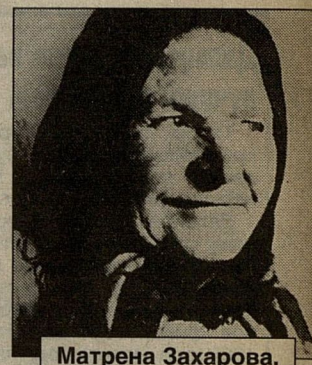
У него бестактно отняли его еженедель-
ную программу на телевидении. У него
отняли его любимого врага - цензуру.
Пошлые поп-звезды с православными
крестами, рекламно вываленными по-
верх рубаш, сочинители русской бульвар-
щины отняли у его книг потенциальных
молодых читателей.

Но у него не смогли отнять бессмертия,
на которое он обречен, даже если бы за-
хотел быть навсегда забытым.

Страна, в которой есть хотя бы один ве-
ликий человек, не потеряла шанс быть
великой.

Евгений ЕВТУШЕНКО.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА («ИТОГИ»).

щества «Перовское» Москалева туда пере-
везли из другой деревни дом, как две капли
воды похожий на Матренин. «Похож, похож», -
закливал головой Солженицын, трогая кольцо
для люльки под потолком. Среди встречавших
было полно старожилов, отлично помнивших
Исаича. «Как бы жилось сегодня Матрене в
Мильцево?» -
спросил кто-
то писателя.
Помрачнев,
тот ответил:
«Не легче».

...Редактор
местного из-
дательства
Николай Ла-
лакин сказал:
«Солженицын
- это святое.
Езжай в Гусь-
Хрустальный,
там тебя бу-
дет ждать
Дима на «де-
сятке». И мы по-
ехали с Димой по солженицынским местам.

Слава Богу, в Гусь-Хрустальном районе не
появился колхоз имени Солженицына, артель
или школа. Есть, правда, в Мезиновской шко-
ле нечто вроде маленького музея. Впрочем,
это и музей трудно назвать: несколько фото-
графий в кабинете русского языка - и все.

В Мезиновке один местный писатель жи-
вет, - сказал Дима, когда мы повернули об-
ратно. И добавил с явным неодобрением: -

Правда, он сейчас книжки редко пишет, весь
в бизнес ушел - крышки кроет. А так вроде ни-
чего у него книжки.

- Он в них лучше, чем в жизни, или соответ-
ствует?

- В жизни он вульгарнее, - подумав, ответил
Дима. - Матерится. Я ему не один раз говорил:
писатель, ты знай, где можно материться, а
где нет. Не понимает. А еще у меня свояк
книжки пишет. Почему-то всегда с бодуна.

- Наверное, грустные книжки получаются?

- Нет, веселые, про тещу.

Наша литературная беседа прервалась, ко-
гда впереди показалось кладбище, где похо-
ронена Матрена Захарова. «Не найдете мо-
гилку, - сказали мне перед командировкой. -
Пять лет назад, когда там был Солженицын,
ее привели в божеский вид, а теперь она
опять травой поросла. Ухаживать-то за ней
некому».

Бродили мы с другом писателей Димой по
кладбищу чуть ли не час, но могилку действи-
тельно так и не нашли. Кладбищенский чело-
век Саша бегал среди оградок стрелой в на-
дежде заработать на бутылку, но тоже не на-
шел Матренин. Пробовали спрашивать у лю-
дей, которых в этот воскресный день было на
кладбище немало. Никто о Матрене и слыхом
не слыхивал...

Зато найти в Мильцево как бы Матренин
двор оказалось куда проще. «Прямо по доро-
ге и увидите его, весь разорен», - махнул то-
пором мужик в спецовке.

- А вы ходили на встречу с Солженицыным,
когда он сюда приезжал пять лет назад?

- Нет, я картошку копал. А мать моя ходила.

Пятистенки, который в Мильцево пе-
ретащили к приезду Солженицына в
намерении сделать памятник рассказу
«Матренин двор», мы и в самом деле
нашли легко. Он стоит на отшибе и пугает
своим нежилым видом - пустые,
без стекол, окна, разбитая почти в ще-
пы входная дверь. Мы поднялись по
ступенькам - полы внутри уже начали
потихоньку снимать, и прямо у входа
образовался опасный проем. «Такой
завидный домина зря пропадает, - ска-
зал Дима. - Уж лучше бы беженцам от-
дали».

Силы на то, чтобы растащить дом по
бревнышку, в деревне есть, а устраи-
вать там музей - нет. Из 120 дворов,
что было в Мильцево при Солженицы-
не, сейчас осталось едва ли 50. Да и те
в большинстве своем дачники занима-
ют. А коренных мильцевских судьба
Матренина двора занимает очень мало.
Стоя у местного селы, они готовы бы-
ли повспоминать былые до тех пор, по-
ка не подъехала на велосипеде про-
дащица и не загремела ключами. Тут
мильцевцы сразу потеряли к беседе
интерес. Тем более что продащица
была так зазывно кокетлива в венке из
одуванчиков.

Татьяна ФИЛИППОВА.

(Наш соб. корр.)

Владимирская область.

Фото Рудольфа НОВИКОВА.

СЛОВАРЬ КЛАССИКА

«Волкодав прав,
а людоед - нет»

Вклад Солженицына в сокро-
вищницу русского языка оце-
нивают по-разному. Отдель-
ные скептики поговаривают,
что, начитавшись в лагерях
словаря Даля и внеся в него
жаргонные выражения зеков,
Александр Исаевич и создал
свой собственный язык. Вроде -
русский, а вроде - нет. Этаким
солженицынским сленг.

Другие - поклонники класси-
ка - считают, что Солженицын
поднял некие глубинные пла-
сты языка, не переделал, а ис-
пользовал все его многообра-
зие. В результате обогатил
лексику, как немногие до него.

Да и то сказать, замечаем ли
мы, насколько скуден наш по-
вседневный язык? Может, от
этого некоторые словечки Сол-
женицына и режут глаз, и ка-
жутся «новоязом»?

Хотя не секрет, что перево-
дчикам Солженицына на ино-
странные языки пришлось по-
потеть. Вот лишь несколько
примеров из словаря мэтра:

- «Бодался теленок с дубом» -
«дуб» писатель ассоциировал с
властью, а «теленка» с челове-
ком, который власти противостоит.

- «Угреться» - согреться.

- «Испыток не убыток» - по-
пытка не пытка.

- «Моркошка» - морковь.

- «Дурандай» - дуралей.

- «Шарашка» - шарашка и
есть.

- «Образованцы» - люди, ко-
торые учились понемногу че-
му-нибудь и как-нибудь.

«Как нам обустроить Россию» -
эту статью Александр Исаевич
впервые опубликовал в «Комсомолке»

Ф. СП-1		Федеральная служба почтовой связи при Министерстве связи РФ										
АБОНЕМЕНТ на газету		КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА										
		(индекс издания)										
		Количество комплектов:										
на 1999 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда (почтовый индекс)												(адрес)
Кому (фамилия, инициалы)												
ДОСТАВочная КАРТОЧКА												
ПВ	место	литер	на газету	(индекс издания)								
КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА												
Стоимость	подписки	пере-адресовки	руб.	Количество комплектов:								
на 1999 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда (почтовый индекс)												(адрес)
Кому (фамилия, инициалы)												